

Дениз Робинс

Пир окончен

Дениз Робинс

Пир окончен

Робинс Д.

Пир окончен / Д. Робинс —

В этом романе, продолжающем серию книг «Дамское счастье», перед глазами читателей предстанет мир лондонской богемы, людей высокого искусства, художников, их поклонников и поклонниц. Главная героиня пытается искать свое счастье в обыденном спокойном и благоустроенном браке, но с ужасом отдает себе отчет, что сердце ее принадлежит другому.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	27
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дениз Робинс

Пир окончен

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Холодным ноябрьским днем, в четыре часа после полудня, нажимая кнопку звонка в мастерской Стефана Беста, она знала, что пришла сюда в последний раз.

Больше она никогда не навесит его, Она так часто бывала здесь, что ей было знакомо все от входной двери и вверх по всей лестнице (Стефан жил на самом верху и до него было ровно сто десять ступенек). Все здесь ветхое и грязное. Переделанный дом в захудалом Глочестер-роуд. Краска на двери облупилась, стекло было разбито и его заклеили коричневой бумагой. Верона вспомнила ту ночь, когда разбили стекло. Одну из многих веселых, счастливых ночей, которую она провела здесь с другими учениками Академии Художеств, у Стефана – самого старшего и талантливого из них.

Три года Верона посещала те же классы и лекции, что и Стефан. Учащиеся Академии были дружны и довольно часто проводили время вместе, навещали друг друга. Некоторые, как например, Верона и Маргарет Шо, жили с родителями. Близняшки Ноэль и Эвелин Тернеры делили квартиру неподалеку от Стефана. Джефффри Хорланд и его жена, оба художники и молодожены, имели домик в Южном Кенсингтоне. Каждый по очереди устраивал вечеринки...

Пиво, бутерброды или сосиски... Никто не ожидал большего, никто и не мог большего предоставить. Им было не до питания, надо было копить гроши на дорогие художественные материалы. Краски, кисти, холсты и рамы были в эти времена отнюдь не дешевы.

Стефан был самым обеспеченным среди них, но всегда казался самым бедным. Большинству из них было двадцать с хвостиком, ему же все двадцать восемь. Он прослужил во флоте все пять лет войны и был демобилизован с благодарностью три года назад после того, как с легким ранением пролежал месяц в госпитале. С тех пор он вел жизнь, к которой всегда стремился: жизнь художника. Стефан всегда хотел рисовать. Верона, да и все остальные, знала, что он отмечен талантом. Эту искру гениальности не смогла заглушить даже военная служба и несколько отвратительных эпизодов на подводной лодке.

Но у Стефана еще не было возможности сделать имя. Он все еще учился, хотя, по мнению Вероны, он мог бы сам уже учить своих преподавателей.

Чтобы заработать на жизнь, Стефану приходилось выполнять коммерческие работы: иллюстрации и обложки для книг. Он же хотел стать портретистом и писал всех девочек на своем курсе. Когда они не работали, то охотно позировали. Все хотели, чтобы Стефан написал их портрет. А Верона позировала ему больше, чем кто-либо. И все об этом знали. Стефан нашел в ней идеальную для себя модель. Она была девушкой его «типа». Стройная, в стиле Россети, с молочной кожей, рыжевато-каштановыми волосами, высокими скулами, большими прозрачными глазами и нежным, задумчивым выражением. Стефан утверждал, что у Вероны самые красивые руки, которые он когда-либо видел у женщины. Поэтому не только он, но и другие однокурсники по очереди рисовали длинные, хорошо сложенные руки Вероны с совершенными овальными ногтями.

Сама Верона не бралась за масло. Акварели... изящно написанные пейзажи нескольких старых красивых скверов и улиц Лондона, с огромным вниманием к деталям – вот ее пристра-

стие. Девушка не слишком верила в свои способности, но обожала живопись. Она поглощала всю ее жизнь.

В Академии говорили, что Верона подает надежды. Стефан утверждал то же самое. Это было самое большое поощрение. Конечно же, Стефан был влюблен в нее. Это знали все, и Верона тоже. И поэтому-то все было так трудно и печально, ибо она собиралась выйти замуж за другого. Стефан и ее искусство, ее старые друзья, ее старая жизнь должны отныне отойти на второй план. Верона выбрала для себя новую, совершенно иную жизнь.

И теперь ей предстоял прощальный визит к Стефану.

Девушка вышла из своего дома на Хэмпстед в хорошем настроении и с уверенностью в своей твердости. Она знала, что встретит сопротивление Стефана. Она уже видела это со стороны своих друзей, которые откровенно сказали ей, что она делает ужасную ошибку и избрала не того человека. Но Верона приготовилась стоять на своем и защищать свое решение. И когда она ехала в автобусе к Бромптон Роуд, обдумала все, что скажет Стефану, сформулировала аргументы, которыми убедит его в своей правоте.

Но, когда она нажала кнопку звонка у столь знакомой ей двери, непоколебимость и уверенность несколько покинули ее. Все будет не так просто. Верона поняла это, когда вчера вечером сообщила Стефану о своей помолвке с Форбсом Джеффертоном.

Стефан был потрясен.

Ей пришлось позвонить дважды, прежде чем Стефан подошел к двери. Затем он широко распахнул ее, едва взглянул на нее, повернулся и довольно грубо пошел обратно в мастерскую, держа в одной руке палитру, а в другой кисть.

– Я как раз кое-что нащупал. Ты извинишь меня, я на минутку? – проговорил он.

– Разумеется, – ответила Верона.

Но когда девушка закрывала за собой дверь, настроение ее еще больше испортилось. Она вошла в комнату, в которой Стефан и работал, и спал, и ел.

Верона никогда не видела его таким неряшливым. И все же ее сердце дрогнуло, когда онаглянула на его высокую фигуру, слишком тощую и чуточку ссутуленную. На нем были очки в роговой оправе, через которые он смотрел на свою картину. Его темные, жесткие волосы у концев загибались вверх. Вот, думала Верона, здесь стоит Стефан, художник... милый, взвинченный, высоко интеллигентный человек, до безумия любящий все красивое, пристрастный ко всему художественному и недолюбливающий условности, мелочность, а в особенности дисциплину.

Как ей будет его недоставать. Раз или два за последнее лето его ласки и поцелуи возбуждали в Вероне ответное желание, испугавшее ее своей силой. Но она ни разу не потеряла контроль над собой. Она не разделяла взгляды Стефана на брак, легкое отношение к тому, что в викторианскую эпоху называлось «грехом». Она была воспитана в традиционной семье, и хотя сама была художницей, уважала строгие границы морали!

Стефан по-прежнему не обращал на нее внимания.

Верона робко подошла к нему и заглянула через плечо.

Это был портрет Пэтси, дочки привратника, живущего на первом этаже. Девятилетняя девочка с удивительно светло-голубыми глазами и дикими джунглями кудряшек, словно вырезанными из черного дерева. У нее было обаяние эльфа – грязного и озорного. Стефан схватил всю ее проказливость и красоту, взявшихся бог весть откуда. Отец девочки был пьяницей, а ирландка мать – неряхой. Но портрет был просто потрясающ. Верона забыла вдруг все свои печали. Все, что в ней было от художницы, вдруг заговорило острым предчувствием.

– О, Стефан, просто восхитительно. Это будет лучшая вещь на твоей выставке.

Стефан не обернулся к ней, чтобы ответить, но девушка видела, как он слегка приподнял плечо, макнул кисть в бутылку с пиненом, вытер ее о тряпочку и, сделав шаг назад, наскочил на Верону.

Стефан извинился, все еще не глядя на нее и не отрываясь от портрета.

Сердце Вероны вдруг сильно застучало, бледные щеки порозовели и она возмущенно заговорила:

– Нельзя ли зажечь огонь, здесь ледяной холод. Я замерзла.

Стефан обернулся и посмотрел на нее. А потом, поклонившись, с преувеличенной вежливостью ответил:

– Прошу прощения, но я не чувствую холода. Но если вам угодно, я сейчас же затоплю.

Он снял очки, порылся в кармане и вытащил две банкноты в полкроны и одну десятишиллинговую. Затем чертыхнулся себе под нос.

Верона сразу же нашла свою сумочку и выудила шиллинг.

– У меня есть один, Стефан.

Он взял деньги и затем сунул ей полкроны.

Верона пыталась вернуть монету.

– Не беспокойся, пожалуйста, мне не нужна сдача.

Стефан отказался взять у нее монету и положил шиллинг в счетчик.

– Возьми шиллинг и шестипенсовик и отдай беднякам, когда пойдешь в воскресенье в церковь, – иронически проговорил он, поднося спичку и зажигая газовый камин, который тут же шумно зашипел.

– Боюсь, что я сегодня не слишком гостеприимен. – добавил он. – Скоро я поставлю чайник. А вот перекусить у меня нечего. Ты не возражаешь?

Верона закусила губу и скривилась, словно собиралась заплакать. Она проговорила;

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь о церкви?

Стефан сунул руки в карманы и угрюмо посмотрел на нее.

– Я полагаю, ты теперь будешь регулярно посещать церковь, раз уж ты решила порвать все связи с языческим миром искусства и стать высоко уважаемой женой офицера Его Величества.

Верона глотнула воздух.

– Ты недоволен, Стефан?

– Несомненно. Не могу сказать, что я от этого в восторге.

– И все-таки, почему мир искусства должен быть языческим? Разве нет художников, которые посещают церковь?

Стефан рассмеялся, но смех его был горьким.

– Деточка, не надо анализировать. Я не собираюсь вступать с тобой в дебаты на тему: «Должен художник ходить в церковь или нет?»

– Нет, ты просто хочешь нагрубить, – ответила девушка.

– Извини, – кратко проговорил он.

Верона боролась с желанием заплакать. Она не знала, что Стефан мог быть таким недобрым. И все же, пока ее наполненные слезами глаза с упреком смотрели сквозь длинные шелковистые ресницы, она вдруг заметила, какой болезненный вид был у Стефана.

Стефан Бест никогда не был красивым в общепринятом смысле. Слишком худой и угловатый, с крупным носом и большим, сардонически скривленным ртом. Только светло-карие глаза его были примечательны – необычайно большие и блестящие. Казалось, что они обладают почти устрашающей силой проникать вглубь людей и вещей.

Увидев, как сильно изменился Стефан, Верона смягчилась. Ей пришло в голову, что он болен, потому что несчастен. Удар от новости, которую она ему вчера вечером сообщила, оказался сильнее, чем она предполагала.

Верона стояла, глядя на него сквозь туман слез, и чувствовала себя чуть-чуть испуганной.

– Ой, Стефан, – проговорила она вдруг с дрожью. – Ты очень зол на меня?

Он стиснул зубы, затем нелепо улыбнулся.

– Что за глупый вопрос, Верона? Почему я должен быть зол. Разве кто-нибудь злится на извержение вулкана или приливную волну, или торнадо? Зол – это не то слово. Нет, я не зол на тебя, я просто глубоко потрясен, вот и все.

Девушка покраснела до корней волос и испуганно глянула на него.

– Почему потрясен? Стефан снова засмеялся.

– Да, я не то сказал. Почему действительно я должен быть «потрясен»? Еще одно дурацкое слово, почти такое же неуместное, как и «зол». Нельзя быть потрясенным вулканом, приливом или торнадо. Просто получаешь страшный удар, который выбивает из равновесия. Я чуть-чуть вне себя. Вероятно, поэтому я такой несговорчивый. Ты выглядишь чуть-чуть озябшей, дорогая. Иди погрей руки у камина, пока я сварганю тебе чай.

Слезы высохли на ресницах девушки, его ледяная злоба и враждебность свели на нет возникшую было жалость. Она окинула его пустым взглядом, прошла к камину, опустилась перед ним на колени и протянула руки к красному, испускаемому из разбитой решетки, теплу.

Какое-то мгновение Стефан Бест стоял неподвижно, оглядывая ее голодным, мучительным взглядом. Как художник он восхищался редкой красотой этих длинных, тонких пальцев, казавшихся почти прозрачными на фоне огня. Одновременно он уловил блеск нового кольца на левой руке. Сдержанный брильянтик. Вероятно, подарок Форбса Джеффертона при помолвке.

В нем вспыхнула и целиком им завладела почти дикарская ревность, и он испугался, испугался, что метнется вперед, повалит стоящую на коленях девушку, запутает свои пальцы в эти пылающие каштановые волосы, распавшиеся роскошными завитками по ее плечам, и задушит ее... выжав жизнь из этой длинной, стройной шеи, которую так часто рисовал и которой любовался.

Стефан вспомнил, как однажды сказал ей:

– У тебя, миленькая, шея, которые любили во времена Тюдоров. Шейка вроде той, что была у Анны Болейн. Я легко могу ее представить лежащей на плахе палача.

Верона смеялась, вздрагивала и говорила, чтобы он не был таким противным. Стефан смеялся, затем целовал и с нежностью гладил прекрасную лебединую шею. Но это никогда уже не повторится. Никогда больше он не будет смеяться с ней, и рисовать ее, критиковать ее акварели, обладающие некоторыми достоинствами, хотя за ними и не чувствовалось особого таланта. Верона, на его взгляд, могла бы развить свои способности, если бы больше трудилась.

А теперь она выходит замуж. После звонка Вероны к нему заходила Маргарет. Она была лучшей подругой Вероны и считала, что та свихнулась. Верона всего месяц назад встретила этого Форбса у какого-то своего кузена, который служил в армии и служил под началом у Форбса. Форбс был кадровым... он только что получил свое майорство, ему было тридцать, и он отважно прошел всю войну, заслужив целый ряд медалей. Во время английской кампании с Роммелем его ранило в правую руку.

Верона свихнулась, сказала Маргарет, если считает, что может счастливо выйти за армейского офицера. У нее не тот характер, чтобы шататься по империи вслед за флагом и вести гарнизонную жизнь в армейских поселках. Жить среди людей, которые, за редким исключением, интересуются только армией, повышением по службе, пенсиями и спортивными играми. Никакой живописи. Такое существование и в такой компании очень скоро надоеет ей до смерти. Она слишком интеллигентна и чувствительна. Что же касается самого жениха, то Маргарет встречала его у Вероны и описала как «весьма приятного истинно английского офицера». Однако он выглядел очень мило и Марга решила, что у него есть личные средства. Он был сыном генерала с армейскими традициями в семье.

Стефан притянул Верону к себе и прижался лицом к ее сладко пахнущим волнистым волосам.

– Верона, Верона, – шептал он ее имя. Девушка сразу растаяла и позволила обнять себя, она прижалась к Стефану и ласкала его грубые волосы своими длинными нежными руками.

– О, Стефан, дорогой, прости меня. Давай останемся друзьями, ну пожалуйста, Стефан. «Друзья» было словно холодный душ на вспыхнувшую в нем страсть. Он выпустил Верону, не поцеловав ее, повернулся и пошел на кухню.

– Я лучше поставлю чайник, – резко бросил он через плечо.

Вероне стало жарко, и она почувствовала замешательство, так как не знала: ни что сказать, ни что сделать, и чуть всхлипнула. Она испугалась за Стефана. Ей действительно не хотелось терять его дружбу, но это было мало реально, а может быть, и вовсе невозможно. Стефан так тяжело воспринял ее помолвку... гораздо хуже, чем Мерена предполагала. И все же, вытирая стол перед газовым камином, дрожа от холода и волнения, она почувствовала, как ее жалость и глубокое сочувствие Стефану сменились чувством обиды.

Он как собака на сене. Сам не хочет жениться и не желает позволить этого другому. Так нечестно. Несколько месяцев назад, даже меньше Верона была так влюблена в него. Она с радостью вышла бы за него с согласия своих родителей или без него. Но он хотел получить свое без этого, но не смог. И вот результат – она влюбилась в другого. Форбс был полной противоположностью Стефану – солдат до мозга костей, ухоженный, красивый, ловкий и абсолютно нормальный.

Слезы на ресницах высохли, и девушка снова успокоилась. Она сидела и крутила брильянтик, думая о Форбсе, и том, какой он хороший и добрый и, главное, потрясающе надежный. Мама и папа обожают его. Мамочка сказала, что таких, как он, – один на миллион и, хотя и жалко, что он в армии и у нее, Вероны, не будет постоянного дома, в пользу этого брака все же говорит многое: муж с положением и поддержкой. Она никогда не хотела, чтобы Верона была связана с «богемщиной» и всегда сожалела о ее увлечении живописью и годах, потраченных на обучение в Академии Художеств.

Теперь с этим было покончено. Появление в ее жизни Форбса Джеффертона полностью изменило ее.

Она сидела тихая, раздумывая, пока Стефан готовил чай.

Глава 2

Их чаепитие подходило к концу. Стефан выпил две чашки и съел толстый ломоть хлеба с сыром, жадно проглотив его, словно умирал с голоду. И не смотрел на Верону.

Она оглядывала студию, знакомые картины на стенах, большей частью написанные маслом портреты. Немногие карандашные наброски, пришпиленные к стенам. Над камином блестящая пастель головы девочки, выполненная прямо на побелке стены. Верона вспомнила тот день, когда Стефан написал ее, и как она сказала ему, очень серьезно, что когда-нибудь он будет знаменит.

Девушка глянула на стоящий в углу диван-кровать, покрытый куском флорентийской парчи, купленной в момент случайного процветания. Над кроватью висела акварель Вероны. Это была одна из самых удачных ее работ, и девушка подарила ее Стефану на день рождения. С легкой болью Верона вспомнила, что через месяц будет его двадцать девятый день рождения, а ее здесь в этот раз уже не будет. Ей еще не верилось, что после двух лет таких тесных отношений она навсегда расстанется со Стефаном.

Около двери стояло радио, маленькое, но хорошее. Стефан любил музыку, и ему нравились симфонические концерты. Верона часто наслаждалась, слушая их вместе с ним.

Сегодня она говорит всему этому прощай. Верона еще не понимала какой пустой станет ее жизнь, ведь в ее будущем существовании с Форбсом почти не будет места для занятий искусством. В то же время в ее старой жизни и, в квартире Стефана, например, было и то, с чем она расставалась без сожаления. Верона так и не могла привыкнуть к грязи – замутненный фонарь, который никогда не чистился, лежащая на полу толстым слоем пыль, грязные рваные коврики. «Уборщица» Стефана нагло пренебрегала своими обязанностями. Не его вина, но это все же создавало тяжелое впечатление. Правда, в спорах с матерью Верона всегда защищала Стефана и ему подобных. «У них нет ни сил, ни денег, ни времени, когда можно было бы скрести и чистить. Они целиком заняты своим искусством», говорила о своих друзьях Верона.

Вдруг, словно прочитав ее мысли, Стефан поставил свою чашку, зажег сигарету и заговорил:

– Извини, что я был такой свиньей, Верона. Мне надо было перед твоим приходом побриться и прибраться в мастерской. Миссис Бертон сегодня утром не приходила. Мне надо найти кого-нибудь другого, она очень недобросовестна.

– Все нормально, Стефан, – довольно мягко проговорила Верона.

– Хочешь еще чаю?

– Нет, спасибо.

Страхнув пепел на пол, Стефан посмотрел на Верону полными тоски глазами.

– Ну, милая, итак это последняя чашка, которую мы пьем вместе.

Девушка с замешательством посмотрела на него.

– О, Стефан, возможно, что последняя здесь, но полагаю, мы еще не раз выпьем вместе. То есть я хочу сказать, что это вполне возможно в другой обстановке.

– То есть я должен как-нибудь прийти в гарнизон и распить там чашечку чаю? – спросил Стефан с коротким смешком.

Верона вспыхнула:

– Ты не можешь оставить свою иронию? Стефан пожевал нижнюю губу, наклонился вперед и провел пальцами по своим густым жестким волосам.

– Мне, конечно, надо сделать попытку быть вежливым.

Верона вздохнула.

– Неужели это так трудно?

– Очень. Перед перспективой, что ты станешь женой майора Джеффертона, я чувствую себя не только невежливым, но и нецивилизованным.

Девушка не могла удержаться, чтобы не сделать ему открытого упрека.

– Тебе бы следовало помнить, что ты сам этого хотел.

Стефан резко посмотрел на нее.

– Ты хочешь сказать, я не готов купить лицензию на кольцо?

– Да, – тихо подтвердила Верона. Стефан смотрел на бледное, прекрасное лицо, чопорное выражение которого выводило его из себя. Но он не мог на нее злиться, не мог не признать правоты ее обвинения.

– Ты совершенно права, – хрипло проговорил он. – Я не предлагал тебе руку и сердце.

Я был бы ужасным мужем, разбившим сердце любой женщины.

Верона подняла на него свои полные упрека глаза.

– Так только поэтому ты не захотел жениться на мне?

Стефан встал, подошел к камину и оперся на него.

– Это не совсем так. Но я думал о тебе. Как я тогда тебе говорил, у меня нет ничего конкретного, чтобы я мог предложить женщине. Я делаю достаточно в коммерческом мире, чтобы заработать на хлеб и покупать краски и холсты, но ты знаешь, что это не может долго продолжаться. Я хочу написать нечто лучшее и готов голодать, пока не кончу работу. Нельзя просить девушку, тем более такую, как ты, голодать вместе со мной.

– Но, если бы я стала жить с тобой вместе не вступая в брак, разве я не голодала бы так же, – с сарказмом заявила Верона.

Стефан повернулся к ней.

– Я никогда не предлагал тебе перебраться сюда и разделять со мной все тяготы моей жизни. Ты могла продолжать жить дома, заниматься своей работой и...

– О, понимаю, – прервала его Верона и встала, оправив платье, – так, чтобы у тебя не было по отношению ко мне никаких обязательств. И ты не имел бы никакой ответственности, а только меня и мою любовь, когда у тебя на это найдется время.

Стефан с отвращением посмотрел на нее.

– Почему так односторонне? Почему женщина всегда думает, что все жертвы только с ее стороны, а мужчина имеет одни привилегии? Разве любовь не взаимна? Разве получать удовольствие – не привилегия? Без обязательств для меня, я это допускаю, но и без осложнений для тебя. Мы оба оставались бы свободны и вольны жить как нам заблагорассудится, хотя и будучи любовниками.

Верона теребила свои тонкие пальцы. Краснела и бледнела, и, наконец, затрясла головой.

– Так не пошло бы. Я видела подобные отношения, и они были ужасны. Я полагаю, что ты счел меня «мелкой» и узколобой и, возможно, пуританкой. Может и так. Но я всегда уважала брак, если двое любят друг друга.

Стефан отвесил поясной поклон.

– Ты абсолютно права, и я далек от мысли разрушать твои убеждения.

Щеки Вероны стали еще краснее.

– Ты сказал, когда мы это обсуждали впервые, что я должна «жить с тобой». А получив отказ, полагаю, затаил на меня обиду.

– Не обиду, но я чувствовал разочарование.

– Потому что не получил меня таким образом или потому, что я не столь широкомыслящая, как тебе хотелось бы?

– Да, меня огорчило и то, и другое.

– Верона резко вздохнула.

– Я знала, что это безнадежно с самого начала. Пока дело не дошло до интимной близости, мы были такими хорошими друзьями. А я любила тебя, Стефан, очень любила. Это трагедия.

Он с величайшей горечью посмотрел на девушку.

– Правда любила – Ты сам знаешь, – проговорила она. Стефан поднял брови.

– Возможно, так – тепленькая водичка.

– Да нет, гораздо больше и ты это знал. Стефан стиснул зубы.

– Хорошо, я верю, что ты любила так, как ты способна любить.

– Ты полагаешь, что это весьма слабая способность? – воскликнула Верона. – Что я бесхребетна или труслива? Ты полагаешь, что мне следовало бы иметь храбрость, как у этой модели Пиппы Лей, которая пошла жить с твоим другом Полом Саймонсом. И посмотри, что получилось. Она бросила все, работала на него, как рабыня, стала прислугой на все руки: готовила, стирала, в общем делала все. А затем, когда он решил, что устал от нее и, как Гоген, улизнул в Южную Америку, что стало с Пиппой? Она покончила с собой. Ты помнишь, как неприятно все это было? Бедная Пиппа? Я помню, что я думала об этом тогда...

Голос Вероны дрогнул.

– Благодарю Бога, что я не на ее месте.

Стефан уставился на кончик сигареты. Стало так темно, что они едва видели друг друга. Даже в мерцающем свете газового огня лицо Стефана казалось изможденным. Он поднялся и зажег свет. Верона приставила ладонь к лицу, повернулась и снова уселась. Стефан увидел, что она плачет.

Стефан почувствовал невероятную усталость, он по горло был сыт всем этим. Но он больше не был зол на нее, его наполнило презрение к самому себе. И безмерное сожаление. «Если бы я не был таким, как был, это милое создание было бы моей женой», – думал Стефан. Верона не была чопорной, узколобой или трусливой. Просто она оказалась врожденно целомудренной. И не ее вина, что художник в ней уступает условностям и принципам, в которых она была воспитана. Стефан хотел бы быть иным ради нее и ради самого себя. Но не мог. Он должен был рисовать, это переполняло все его существо. И пока он не достигнет вершины своих чаяний – стать хорошим художником, признанным художником, он не может быть ничьим мужем, связанным и уничтоженным обязанностями и финансовыми трудностями семейной жизни. Спустя мгновение Стефан проговорил:

– Зачем приплетать сюда Пиппу? Здесь совсем иное дело и Пол заставил ее сделать то, о чем я никогда не просил тебя... бросить все и жить со мной.

– Иногда я думаю: а не было ли это честнее? – проговорила Верона с горечью, которой он никогда у нее раньше не слышал. Он сильно покраснел.

– Согласен! – яростно проговорил Стефан.

– Я бесчестный и аморальный тип. Уверен, что твой жених даст тебе это почувствовать еще сильнее и даст тебе гораздо больше той дружбы, которая могла быть между нами.

– Дорогой, – мрачно заявила Верона. – Я вовсе не хотела тебя расстраивать.

– Ты ведешь себя, как ребенок! – огрызнулся он. – И что же ты ожидала услышать от меня? Что я предложу свои пылкие поздравления, вывешу флаги и поблагодарю тебя за то, что лишился той единственной, которую я когда-либо по-настоящему любил!

У Вероны задрожали губы, и Стефан грубо добавил:

– Ради Бога, не реви больше.

А затем, прежде, чем она успела ответить, наклонился к ней, взял ее прекрасную руку и поднес к своим воспаленным глазам.

– Извини, ангел мой. Я так чертовски устал, что не понимаю, что говорю и веду себя отвратительно. У меня почва ушла из-под ног. Я знаю все, что ты мне скажешь. У меня был шанс, и я им не воспользовался. У тебя все права отвернуться от меня и выйти за этого милого

парня. Я сам на это напросился. Но я хочу, чтобы ты поверила, что одной из многих причин моей пассивности было то, что я слишком люблю тебя, чтобы тянуть в то убожество, в котором я живу. Когда я рисую, все остальное вылетает у меня из головы, мне наплевать: чисто здесь или как в хлеву, ел я или нет. Вероятно, я не замечал бы, ела ты или нет, если бы ты была бы тут, и есть ли у тебя, что поесть. Ты не создана для такой нищеты. Может быть, когда-нибудь, я и стану богатым и знаменитым. Тогда я смог бы создать для тебя подобающую обстановку, ту, что ты заслуживаешь. Но до этого, может быть, долгий путь, а может, этого не случится никогда. Так зачем тебе ждать?

Верона стояла очень тихо. В ее глазах было выражение близкое к испугу. Никогда еще она не была так неуверена в себе. Ее пугало то, что сказал Стефан. Теперь ей хотелось плакать не о себе, а о нем. Она чувствовала его жгучие слезы на своей руке. Стефан – циник, гордящийся тем, что он крут и несентиментален, рыдал из-за того, что потерял ее. А ведь было время, когда она была во всю влюблена в него, когда он был началом и концом ее существования.

Просто ужасно, что все могло так обернуться. Просто невероятно, что она любит кого-то другого... кого-то столь отличающегося от Стефана. А было бы это так? Может ли она когда-нибудь так любить Форбса, как она любила Стефана, со всей опустошающей страстью разбуженной юности, тем беззаветным обожанием героя, которое она питала к нему, когда юной, неоперившейся студенткой, нашла в нем друга и учителя?

Верона была чуть испугана, потому что он все еще обладал способностью волновать ее, и не только вызывать жалость из-за того, что она причинила ему боль, но и давно увядшую печаль о том, что он не позволил ей разделить его жизнь.

Девушка задрожала, почувствовав навертывающиеся слезы. Она вдруг испытала неприязнь к Форбсу и поняла, что чертовски запуталась в своих эмоциональных переживаниях.

Но Верона ничего не сказала. Ей было нечего сказать, и ей было чуточку стыдно, что она любит Стефана недостаточно сильно, чтобы согласиться бесконечно ожидать его. Ей хотелось здорового счастья, надежной и нормальной семейной жизни, и Форбс предложил их.

И все же, по-своему, в глубине души, она все еще любила Стефана Беста...

Неожиданно Верона крикнула:

– Не будь таким несчастным, о, милый Стефан. Я от этого чувствую себя совершенно разбитой. Не надо!

В этом было нечто столь возвышенно эгоистичное, что задело в Стефана чувство юмора. Мимолетная слабость прошла, он поцеловал руку, которую держал, отпустил ее, быстро прошел к окрашенному зеленой краской шкафчику, вытащил носовой платок и высморкала я. Затем заговорил.

– Что я за скотина! У меня нет никакого права заставлять тебя чувствовать себя разбитой. Тебе надо чувствовать себя веселой и праздничной в преддверии великолепной свадьбы. Когда она состоится?

Верона не ответила. Его голова опустилась. У Вероны не было такого же чувства юмора, как у Стефана. Но ему всегда удавалось успешно отвлекать ее от мечтаний и сталкивать лицом к лицу с реальностью. Стефан был большим материалистом. Приходилось бороться с его твердостью, поэтому Верона постоянно ломалась первой. Верона любила погружаться в романтику, делать вид, будто все очень мило даже там, где ничего подобного не было. Она обладала даром фантазии. Но Стефан видел вещи такими, какими они были на самом деле, и по прошествии некоторого времени привил этот взгляд Вероне. Она даже научилась посмеиваться над собой.

– Ни один истинный художник не удовлетворяется и не обманывается поверхностным обаянием, – говорил он. – Вот почему лучшие портретисты не просто воспроизводят лицо, являющееся маской. Они пытаются изобразить душу, скрывающуюся за этой маской.

Стефан привил Вероне свой образ мышления, но только благодаря мощи своего влияния на нее и ее слепой веры в него. Но теперь она хотела вернуться к своим мечтам, к своему

естественному состоянию, не желая вникать в суть вещей слишком глубоко и сталкиваться с неприятностями, которые часто поджидают любителей измерять глубины. Стефан говорил, что только человек, достигающий сначала каменистого дна, а потом начинающий взбираться на высочайшую вершину, находит истинную правду жизни и иступленный восторг. Но, возможно, не в первый раз думала Верона, у нее нет достаточных сил, чтобы нырнуть на такую глубину или подняться на такие высоты. Борьба казалась ей невыносимой. Да и с Форбсом ничего не получилось бы. Он был простым симпатичным молодым человеком, предъявившим несколько требований к ее образу мышления.

Но Верона была несчастна не только потому, что изменила Стефану. Она предала художника, который, как она знала, таился в ней. Верона представляла, что когда-нибудь наступит день, когда она устанет от легкого пути и начнет тосковать по злой сладости борьбы на стороне Стефана, какую бы цену не пришлось бы за это заплатить.

Сейчас настроение Стефана, как часто бывало, резко изменилось. В одно мгновение черное отчаяние перешло в лучезарное веселье.

Он сказал:

– Не нужно сидеть и беспокоиться обо мне, Верона. Ты должна быть счастливой. Я ни за что не виню тебя. За все отвечаю я. Выходи замуж за своего милого солдатику и будь счастлива, дорогая. Я даже приду и потанцую на твоей свадьбе, если мама пришлет мне приглашение. Как насчет терпения и дружбы? Да, я пожму руку жениху и буду часто приезжать к вам в гости, когда вы вернетесь из-за границы. О Боже, Верона – жена военного! Это просто фантастика. Но тут есть и комическая сторона. Не обижайся, если я смеюсь. Я не хочу ни над кем поиздеваться. Но это смешно, не правда ли? Такая полная, абсолютная перемена... для моей девушки. Мне нужно перестроить немного свои мысли перед тем, как я смогу привыкнуть к подобному положению дел.

Верона с новой обидой посмотрела на Стефана. Она предпочитала, чтобы он был таким, чтобы ей можно было разозлиться на него и обрадоваться, что ее выбор пал на Форбса... Это гораздо лучше, чем возвращение старой боли, возвращение восхищения Стефаном.

– Реальность не такая уж комичная, – произнесла Верона. – Хотя я признаю, что все в моей жизни изменится.

– Пойду бриться, – резко проговорил Стефан, – чтобы я напоследок не запечатлелся в твоей памяти, как грязный парень со щетиной на подбородке. Поговори со мной, пока я буду приводить себя в порядок. Расскажи мне о самом главном. Я же ничего не знаю. Я даже не знал, что ты встретила с ним. Возможно, я даже смогу простить себе свое поведение, поскольку все происходящее вызывает настоящий шок.

Верона достала из сумочки портсигар. Ее нервы были на пределе. Она все еще чувствовала грусть и странную нехватку смелости, даже сознавая свою правоту, благодаря которой решила на этот визит.

Верона не видела Стефана, поскольку сидела спиной к кухоньке, но слышала, как он налил в тазик воды и начал доставать бритвенные принадлежности. Вдруг ей в голову пришла мысль, как удивился бы Форбс, если бы увидел ее в такой комнате за разговором с мужчиной, бреющимся в пять часов после полудня. Конечно, Форбс не имел никакого понятия ни о Стефане, ни о ком-то другом из друзей-художников Вероны. И не потому, что был грубым или дурно воспитанным. Форбс отличался широким кругозором, обладал чувством юмора, которое привлекло Верону наряду с его приятной внешностью. Но он жил в другом мире... и вырос в других условиях. И еще Форбс, благодаря своей профессии, был дисциплинированным, привыкшим к порядку человеком, всегда выглядел чистым, опрятным. Он строго осудил бы небрежный вид Стефана. Его возмутила бы эта, запыленная мастерская. И Форбс ничего не знал о живописи, не интересовался вообще никаким искусством. Это был образец стопроцентного солдата. Если он и имел знания или вкус к какой-либо созидательной работе, так

это только к механике. Форбс отлично разбирался в электрооборудовании и двигателях, сам собрал радиоприемник, и не существовало ни одного электрического приспособления, которое ему не удалось бы сделать. Во время поездок за рубеж он хорошо изучил восточные ковры и собрал довольно ценную коллекцию персидских ковриков. Нельзя было сказать, что у Форбса полностью отсутствовало художественное воображение. Но никогда, подумала сейчас Верона, он не понял бы, почему голодный и небритый человек целый день рисует посреди пыльного беспорядка. Это для Форбса недоступно.

Нет, Форбс и Стефан никогда не смогут терпеть друг друга.

– Ты дуешься, прелесть моя? – окликнул Верону Стефан.

Легкая улыбка тронула ее задумчивые губы.

– Нет, я не дуюсь, милый Стефан, а только думаю.

– Ты так часто говорила, что процесс мышления мучителен для тебя. Перестань думать и начинай говорить. Я хочу знать все о человеке, за которого ты собираешься выйти замуж. Обещаю, я удержусь от сарказма и грубостей. Расскажи мне все.

Верона заколебалась, но потом решила, что лучше оторваться от Стефана и поговорить с ним о Форбсе точно так же, как она разговаривала с другими своими друзьями. Но заговорив, Верона все же чувствовала неуверенность и нервно курила сигарету за сигаретой.

Она коротко описала Стефану свою первую встречу с Форбсом. Это произошло, когда ей пришлось сопровождать свою кузину Бетти Лэнг на военный парад. Потом был обед и танцы в Лондоне с группой молодых офицеров – друзей Форбса. Тот только вернулся из Палестины. Он служил в артиллерии, но уже больше года занимался штабной работой.

– Он очень хорошо зарекомендовал себя в штабном училище, – сказала Верона.

Стефан, скребя свой подбородок бритвой перед маленьким треснутым зеркалом, висящим над раковиной, почувствовал нечто большее, чем простой укол ревности, когда услышал в ее голосе гордость. «Невероятно, – злобно подумал он, – что эта несчастная Верона так сильно втюрилась в парня».

Но Стефан твердо настроился побороть свою ревность и злость. А это можно сделать, убедив себя в том, что Верона сделала правильный выбор. Но Стефан не мог в это поверить. Ему казалось, Верона делает невероятную глупость, выходя замуж за военного.

– Продолжай, – сказал Стефан. – Расскажи еще что-нибудь.

– Ты действительно хочешь знать? – спросила Верона, закусив губу.

– В противном случае я бы не спрашивал. Она продолжила слегка дрожащим голосом, торопясь описать свою первую встречу с Форбсом, хорошее впечатление, которое тот произвел на нее. Девушка помнила каждую мелочь. Бетти указала на Форбса. Он был одним из организаторов вечера. Деловой, симпатичный, умелый, заметный в группе других военных благодаря красоте своей формы, отполированным до блеска пуговицам и ботинкам. Форбс был высоким, с квадратными плечами и прекрасной военной выправкой. Прекрасные волосы, аккуратно подстриженные усы и загорелая, слегка румяная кожа. Когда он впервые представился Вероне, она заметила и одобрила этот исключительный дух здоровья и хорошего настроения, струившихся от офицера. Форбс посмотрел на нее яркими голубыми глазами, в которых виднелось искреннее дружелюбие, и улыбнулся. Верона обратила внимание на его превосходные белые зубы. Он был воплощением настоящего англичанина. Когда Форбс отсалютовал ей и бросил на нее быстрый взгляд, содержащий нескрываемое восхищение, Верона ощутила такое волнение, какое не вызывал в ней ни один мужчина со времени ее связи со Стефаном.

Позже, когда к ней с кузиной присоединились несколько офицеров, чтобы выпить чая, Форбс сел рядом с Вероной и начал с энтузиазмом рассказывать о своей службе, о ситуации в Палестине, нарисовал перед ней прекрасную картину Египта, поведал о делах на Среднем Востоке и о красотах пустыни.

Верона впервые в жизни столкнулась с «армией». До сих пор она слышала о ней только в школьные годы и в мрачной атмосфере войны. Но в этот солнечный день в Алдершоте с его волнительными оркестрами, марширующими мужчинами, демонстрацией физических упражнений, флагами, танками, изобилием жизни и хорошего настроения все выглядело по-другому. Так много симпатичных людей отдавали дань хрупкой красоте Вероны (и самым внимательным из них был майор Джеффертон), что у нее слегка закружилась голова.

Верона была во власти новых впечатлений, невиданных прежде в толпе художников. Сам Форбс появился, как облегчение, возможно, от продолжительного самокопания, философии, интеллектуальных конфликтов, сопровождавших дружбу со Стефаном.

В тот вечер, обедая и танцуя с Форбсом, Верона увидела перед собой новый мир. Единственный мир, который что-то значит и... при определенном положении... может быть куплен. Форбс был в городе проездом и имел лишние деньги. Он купил Вероне орхидею, чтобы приколоть к платью, заказал шампанское, роскошный обед, причем делал все с видом лорда, с легкими нотками сознательного превосходства, которые она стала ассоциировать с ним, когда узнала его получше, Верона видела, какое удовольствие доставляет ему роль радушного хозяина, возможность произвести на окружающих хорошее впечатление. Очевидно, Форбс был популярен среди офицеров, обладал мужественным характером и хорошими манерами. Последние десять лет своей жизни он провел в лагере, в палатке, в солдатской столовой, стремился добросовестно делать свое дело и делал его. Одним из качеств, восхитивших Верону, было его простодушие, быстрота мышления. Форбса было очень легко понять. Он шутил, дожидаясь, когда люди рассмеются, и смеялся сам. Если в его душе и были темные закоулки, Верона не заметила их. Она и не хотела видеть в ней никаких сложностей, а просто наслаждалась легким, дружелюбным, несложным фасадом, открытым взору окружающих.

Форбс оказался превосходным танцором, а Верона любила танцевать. (Это единственное, что Стефан никогда не стал бы делать. Он ненавидел танцы и в редкие моменты, когда имел деньги и хотел развлечь Верону, вел ее на хороший спектакль, фильм или концерт).

Большую часть вечера в Дорчестере Верона протанцевала с симпатичным майором, наслаждаясь каждой секундой. Ей понравилось, когда он сказал:

– Вы так божественно танцуете, Верона... ужасно легко. И, если можно так сказать, ужасно здорово. Почему я не встречал вас раньше?

Девушка рассмеялась, вспыхнула от его искренней похвалы и пробормотала что-то о своей постоянной занятости живописью. Узнав, что Верона художница, Форбс явно смутился и воскликнул:

– Боже мой! Зачем?

Верона ответила, что хотела бы сделать живопись своей профессией.

Форбс рассмеялся, прижал ее чуть ближе к себе и, наклонившись к ней, начал убеждать, что она слишком молода и прекрасна для женщины, думающей о карьере.

Верона с любопытством спросила Форбса, что же, по его мнению, она должна делать? Офицер бросил на нее еще один восхищенный взгляд и прошептал:

– Только с удовольствием жить. Когда я думаю о том, что вы потратили несколько лет на художественную школу со всякими рисунками и карандашами, меня бросает в дрожь. Вы потеряли время абсолютно зря. Вы просто должны танцевать, быть веселой, прекрасной... и бросить всякую учебу.

После доктрины Стефана подобное звучало, как настоящая ересь. Верона вздохнула и неуверенно попыталась объяснить Форбсу суть искусства, убедить его, что учение не может быть пустой тратой времени и что она действительно неплохо рисует.

Тогда он сжал ее руку, благосклонно улыбнулся и сказал, что она очень мила, и ему хотелось бы увешать все стены солдатской столовой ее картинами, что теперь она обязана немедленно прислать ему одну с автографом.

Форбс не мог быть серьезным и не позволил бы Вероне быть такой.

Он был старше Стефана, но выглядел гораздо моложе. Духовно же казался еще более незрелым. Верона смогла заметить, что Форбс никогда не страдал. Жизнь никогда не была для него в тягость.

Верона заставила Форбса рассказать о своей жизни, о том, что не касалось армии. Здесь, казалось, мало было о чем рассказывать. Отец Форбса тоже служил в армии, и мальчик провел свое детство в странствиях между школой и различными местами, куда родители получали назначения. Он ездил в Веллингтон и Сэндхерст, а в 1939 году попал на войну. Форбса наградили рядом медалей. Верона видела их на его кителе. Бетти сказала ей, что среди них есть Военный Крест. Форбс получил его после того, как был ранен во время артобстрела, под который попал с Восьмой армией.

Все в этом офицере казалось удивительно правильным. Однако педантом он не являлся.

Форбс обладал чувством юмора. В его облике сквозила легкая надменность, что даже шло ему. В тот вечер, когда официант побеспокоил Форбса, он обдал его холодным высокомерием, что смутило Верону. Было заметно, что офицер привык общаться с мужчинами, требовать от них дисциплины... и добиваться ее.

Отец Форбса умер всего два года назад на службе в Индии. Его овдовевшая мать и сестра Филиппа жили вместе. Сестра тоже осталась вдовой. Ее мужа убили в последний год войны. У них был дом в Кемберли.

Филиппа имела сына, четырехлетнего Николаев. Превосходный ребенок, как называл его Форбс. А сестра Филиппа, по его словам, была милой девушкой, чуть старше Вероны.

– Вы должны позволить мне пригласить вас в Кемберли и познакомить с моей семьей, – добавил он. – Думаю, они понравятся вам, а вы понравитесь им. Мы не художники, но, кажется, моя бабка в молодости рисовала. Одна или две жутких мазни в позолоченных рамах висят в нашей гостиной и являются сокровищем моей нежной мамы.

Форбс рассмеялся. Казалось, он смеялся над многими вещами. И Верона не могла удержаться, чтобы не посмеяться вместе с ним. Она могла представить себе «мазню», эти зверства, намалеванные пылкими художниками-любителями, часто украшающие стены домов в стиле эпох Эдуарда и Виктории. Верона и Стефан хихикали над подобными вещами, выставленными во второсортных магазинах на Кингс-Роуд.

В общем, Форбс не воспринимал искусство своей бабки всерьез. Но Верона всерьез была озабочена: а что если Форбс будет так же смеяться над прелестными портретами Стефана или над любым другим настоящим произведением?

Форбс мало что мог рассказать о себе. Его дом в Кемберли стоял на окраине, но он не обращал на это внимания. Форбс был слишком занят, чтобы переезжать с места на место. Он, казалось, с нежностью относился к матери и сестре, но говорил о них, как о любом другом человеке или предмете... Косвенно. Они являлись естественной частью его существования. Верона находила странными и новыми слова Форбса, поскольку привыкла к экспрессии, к силе чувств, принятых среди ее окружения. Стефан, например, очень беспокоился о своей матери и едва не сошел с ума, когда она умерла от рака вскоре после его встречи с Вороной. И антипатию к некоторым людям и вещам он испытывал такую же страстную.

Еще до конца первого вечера с Форбсом Верона начала чувствовать, что было бы интересно выяснить, способен ли он на какие-нибудь глубокие эмоции?

Когда они расстались. Форбс назначил дату новой встречи и напомнил о картине с автографом.

Верона потом много думала о нем, а ее кузина позвонила на следующий день и сказала ей, что она нанесла майору Джеффертону «страшный удар». Все считали его убежденным холостяком, а он сказал всем после ухода Вероны, что она «послала его в нокдаун».

Такое выражение показалось Вероне очень забавным, и она не могла удержаться от смеха. Весь следующий день прошел под приятным впечатлением встречи с Форбсом.

Но оказавшись снова в Академии Художеств среди своих друзей, прослушав со Стефаном замечательную лекцию о работах Леонардо Да Винчи, посидев в мастерской, разглядывая Блокнот Леонардо, являвшийся главным сокровищем Стефана, Верона испытала новую метаморфозу. Она почти смутилась из-за удовольствия от общения с Форбсом Джефферсоном и от их пустой болтовни в течение вечера. Ее настоящей жизнью была вот эта – жизнь в искусстве. Стефан являлся настоящей личностью. Верона волновалась, слушая его голос, громко звучащий на утренней лекции, объяснявший ей детали, когда они просматривали Блокнот.

Форбс пробуждал в ней лишь жизнь сердца, а Стефан, в основном, воздействовал на ее интеллект. Ей казалось, что она больше не хочет видеть Форбса.

Но Верона снова увидела его. Он решил развить успех первой встречи и стал вполне сознательно преследовать ее.

Верона рассказала Стефану, как Форбс звонил ей и присылал телеграммы, пока она снова не ответила ему и позволила себе пойти куда-нибудь с ним, причем не один раз, а несколько, в компании и наедине. И как, в конце концов, Форбс убедил ее выбрать и подарить ему одну из картин... Скромный пейзаж, нарисованный ею, пока Стефан осматривал Ченстонбери-Ринг в Сассексе. Они провели весь летний день с близнецами, Ноэль и Эвелин, у матери которых был коттедж в Палборо.

Голос все еще брившегося Стефана прервал ее рассказ.

– Я помню тот день. Я всегда говорил, что это одна из твоих лучших работ, Верона. Хотел бы я знать, что думает о ней этот галантный майор.

Верона проигнорировала саркастические нотки в определении «галантный майор» и сказала, что Форбсу понравилась картина, и он решил вставить ее в раму. Теперь она висит в его комнате напротив кровати. Верона честно призналась Стефану, что Форбс слегка покритиковал ее работу, но на своем языке.

Стефан проговорил быстро, злобно:

– Похоже, он вообще не говорит на твоём языке.

Верона ответила, слегка скривив губы:

– Конечно, человек должен учиться разговаривать на языке другого. Это усиливает взаимопонимание.

Стефан не ответил, послышался тихий стук, будто он уронил бритву в раковину.

– Думаю, нам не стоит вступать в спор по поводу взаимопонимания, – произнес Стефан. – Продолжай рассказывать о своем будущем муже. Кажется, ему подходит определение «веселый, хороший парень». Когда ты влюбилась в него и почему? Зная тебя, я никогда бы не подумал, что ты можешь полюбить представителя типа «веселых, хороших парней». Я бы никогда не подошел бы под такое описание, правда, моя радость?

Верона вспыхнула. Она была готова сказать Стефану что, возможно, сам факт, что Форбс так сильно отличался от него, заинтриговал ее. Казалось, Стефан не понимал, почему потерял ее, почему она так изменилась. Но он даже не намекал на женитьбу, на которую она надеялась. А Форбс считал оскорблением предложить ей что-либо другое, кроме женитьбы, узнав, что Верона относится к нему благосклонно.

Она рассказала о помолвке, потому что Стефан настойчиво хотел узнать о ней. Подробности были опущены, хотя они остались еще очень яркими в ее памяти.

Например, тот уик-энд, проведенный ею в доме Джеффертонов в Кемберли. Стефан мог вспомнить, что Верона тогда сказала ему, будто уедет в конце недели к своим друзьям, но не уточнила куда, а он и не поинтересовался. Стефан не отличался пустым любопытством и ожидал, что она ведет свою жизнь так же, как он вел свою. Кроме того, его в тот уик-энд ждала работа над обложкой книги. Ему требовались деньги, чтобы оплатить ряд своих счетов.

Возможно, если бы Стефан ревновал Ворону, все могло обернуться совсем по-другому. Но ему никогда не приходило в голову, что ею начинают интересоваться другие мужчины. Кроме того, усиленно работая, он становился замкнутым и исключал ее из круга своих мыслей. Верона чувствовала это отчуждение, и оно ей приносило боль. Верона находила утешение, купаясь в лучах нежности Форбса, в его усилиях доставить ей удовольствие.

У него была маленькая машина. Он отвез Ворону в Кемберли и гордо представил ее своей семье.

Она была тронута гордостью Форбса. Своей сестре, встретившей их прямо у ворот, он сказал прямо:

– Это Верона. Она великолепна, не правда ли?

Все рассмеялись. Филиппа, спортивная девушка с прекрасными волосами и голубыми, как у брата, глазами, носившая одежду из твида, круглые фетровые шляпы и джемперы ручной вязки, с дружелюбным интересом взглянула на гостью, затем ответила Форбсу:

– Конечно. И Вероне:

– Мой брат, не умолкая, рассказывал о вас. Вы даже не подозреваете, какой чести удостоены. Мы с мамой всегда считали, что машины и радио интересуют его куда больше, чем девушки. Кажется, вы первая, кого он привез к нам.

Верона произвела должное впечатление. До того как попасть в сам дом, она еще целый час осознавала важность собственной персоны. Все нашли ее исключительно красивой. И так и сказали. Они видели ее картину и в Сассексе и восхитились талантом художницы. И так далее... Это было приятное изменение в жизни Вероны. Обычно она чувствовала себя скованно в присутствии более талантливых людей. Стефан склонялся перед красотой ее лица и фигуры, но она все же испытывала комплекс неполноценности в его присутствии.

В окружении Джеффертонов Ворона была сама собой и, несмотря на молодость, обнаружила зрелость мысли.

Миссис Джеффертон оказалась приятной маленькой женщиной, седоволосой, с загорелым после многих лет жизни в Индии, Китае и на Среднем Востоке лицом. Как и у сына, ее страстью была армия. Она никогда не забывала, что была дочерью генерала, и что ее муж тоже дослужился до генерала. Женщина преклонялась перед каждым моментом из долгих лет скитаний по различным гарнизонам. Она находила свое место в любой организации, связанной с армией, являлась первым лицом на рабочих вечерах, в воспитании детей, в присмотре за женами и детьми других офицеров. Женщина всегда наслаждалась прекрасным здоровьем, была занята и счастлива. Верона сразу поняла, что мать желает такого же простого счастья своему сыну. Вне армии ее ничего не интересовало и, насколько смогла понять Верона с первого взгляда, не очень хорошо разбиралась в остальном.

Мать восхищалась Форбсом. Все, что он делал или говорил, было правильным. Верону удивляло, как Форбс вырос неизбалованным. Его сестра присоединялась к этому поклонничеству. Но он воспринимал все беззаботно, без по-настоящему глубоких чувств. В этой беззаботности Форбс был мил им. Особенно хорошо он относился к мальчику, к Николасу. Смерть его зятя, покойного капитана Клейтона, который воевал, как и Форбс, сделала Филиппу вдовой, получающей пенсию, и миссис Джеффертон, когда они остались наедине с Вороной, поспешила рассказать о великодушии сына. Он платил за обучение своего маленького племянника, которого, естественно, ждала карьера военного. (Это было решено заранее.) Ворона покинула дом немного ошеломленная большой информацией об армейских делах и под сильным впечатлением. «Великолепно, – думала она, – такая верность традициям, такой патриотизм».

С легким уколом вины Верона вспомнила, с каким искренним отвращением относился к годам, проведенным на флоте, Стефан. Но, конечно, он не был создан для военной службы. А Форбс родился и вырос солдатом.

Верона покинула Кемберли с впечатлением, что семья Джеффертонов очень дружелюбная. Они приглашали ее как «подругу» Форбса с нескрываемым восхищением, гостеприимностью и нежностью. Впечатление Вороны от дома напоминало впечатление о семье... И то, и другое было милым и обыкновенным. Никакого особенного вкуса в обстановке или оформлении. Прелестные вещички скромного дизайна и невысокой стоимости, перемежающиеся неплохим семейным серебром, парой высоких бокалов эпохи генерала Чиппендейла и бюро времен королевы Анны, принадлежавшее «рисовавшей» бабке. Конечно, Вороне показали аккуратные, выполненные без вдохновения пейзажи бабушки, и те оказались бледными, как девушка и предполагала. Но миссис Джеффертон показала их с гордостью и пожалела, что бабушка не дожила до встречи с дорогой художницей Вороной. Но ни сама миссис Джеффертон, ни кто-либо другой из семьи не восприняли искусство госты всерьез. В их понятии это было лишь милым хобби. Они улыбались при мысли, что она намерена провести всю свою жизнь среди картин и кистей.

Фактически, Джеффертоны были похожи на родной дом Вероны и живущих по соседству людей.

Верона много думала о большом старомодном доме в Хэмпстеде, где прошло ее детство. Верона была преданна своей милой матери, которая долго, после напрасных усилий проводить жизнь в элегантном досуге, работала обыкновенной прислугой и в свободное время шила платья для себя и своей прекрасной дочери.

Ее отец, мистер Лэнг, был отставным управляющим банка. Его дом поизносился за годы и с тех пор таким и остался. Он был слишком большим для хозяина, но тот привык к нему, к своему саду и не хотел никуда уезжать. Мистер Лэнг являлся увлеченным садовником, обожал выращивать розы. Место выглядело мирным, удобным, и Верону никогда никуда оттуда не тянуло.

Только когда развился ее художественный талант, когда она попала под могучее влияние Стефана, появилась неудовлетворенность домом. Это был стереотип. Ворона достигла кульминации, когда обнаружила, что шторы, покрывала и даже цветочные ковры неприятны ее глазу. Она пыталась понять и оценить прекрасные цвета и формы. А Стефан, хотя он и не мог позволить себе что-нибудь купить, очень много знал об античных произведениях искусства. Однажды они стали представлять дом, в котором смогли бы жить, дом, в котором обстановка была бы простой и прелестной, где висела бы всего одна картина – шедевр.

Когда Верона находилась у Джеффертонов, ее поразила мысль, что она не нашла здесь ничего, чему научил ее Стефан. Ворона сильно расстроилась, но тут же забыла все горести, поскольку Форбс был так мил с ней во время обратной дороги в город, они так чудесно пообедали вместе и в тот же вечер танцевали в Савойе.

Когда Стефан стал настаивать на более подробном рассказе о Форбсе, Верона засопровтивлялась. В основном потому, что не хотела, чтобы Стефан думал, будто она сделала «шаг назад» в своем духовном образовании.

«Дом Форбса был очаровательным», – сказала она и быстро перешла к краткому описанию последующих нескольких недель, в течение которых они часто встречались по вечерам, когда Форбс приезжал на обед... или на уик-энд.

Стефан закончил бриться и стал одеваться.

Он подошел и встал рядом с Вороной. Его бледное лицо было гладким, волосы – аккуратно причесанными. Она забеспокоилась из-за его нездорового вида и ввалившихся глаз. Стефан снова надел свои очки. Ему приходилось носить их из-за напряжения глаз. Верона вспомнила, как они волновались, когда пошли вместе к оптику.

Стефан не стал бы тратить на окулиста, но позволил обслужить себя продавцу одного из крупных магазинов.

Он стоял, засунув руки в карманы, смотрел на Ворону и улыбался. Его лицо ничего не выражало. Казалось, Стефан вдруг стал холодным и чужим. Почти смешным.

– Итак, – произнес он, – все эти недели моя маленькая Верона проводила свое свободное время с симпатичным майором. Вот почему я так долго не видел ее. И вот почему она теперь так отвратительно рисует.

Верона вспыхнула. Стефан всегда ставил ее в неловкое положение. Форбс обращался с ней как с богиней. Но Стефан... Ее всегда сводило с ума, что в его присутствии она не могла стать хозяйкой положения... Если он когда-либо и преклонялся перед ней, то лишь на мгновение... а затем быстрый, острый ум Стефана занимала какая-то другая мысль. В этом, конечно, и заключалась половина его очарования: неуловимость. Но подобное поведение убивало Верону. Она больше не могла продолжать любить Стефана. Роман с Форбсом утешал ее, восстанавливал силы. Рядом с майором она чувствовала себя спокойно. Со Стефаном она знала восторг и сердечную боль... но спокойствие – никогда.

– Итак, – опять заговорил Стефан, – все закончилось предложением вступить в брак, которое ты приняла вчера вечером?

– Да, – ответила Верона.

Стефан бросил насмешливый взгляд на ее кольцо. Оно сверкнуло, когда Верона пошевелила рукой.

– И у него уже было с собой кольцо? Краснота ее щек стала гуще.

– Да, в самом деле. Это кольцо принадлежало его бабушке. Он сказал, что его придется переделать для меня, поскольку оно немного старомодное.

– Но камень ценный, – рассеянно произнес Стефан, потом добавил:

– Жаль, я никогда не мог себе позволить подарить тебе кольцо. Но если бы я сделал это, то выбрал бы не бриллиант. Вообще не алмазы. Думаю, я придумал бы что-нибудь сам... что-то очень красивое и необычное.

Верона подняла свои прозрачные глаза.

– Но этого не случилось, Стефан, – мягко сказала она.

– А теперь ты собираешься стать миссис Форбс Джеффертон.

– Да.

– Женой военного.

– Это достойно презрения?

– Наоборот. Но устроит ли тебя такая жизнь? Кажется, ты говорила мне, что единственным твоим желанием является прекрасный, обустроенный дом с мастерской, с хорошим видом на озеро, на реку или на горы, не так ли? Либо квартира на набережной с окнами на Темзу. Либо коттедж в Девоншире. Моя дорогая, ты не получишь ничего похожего. Ты будешь жить в армейских квартирах и переезжать из гарнизона в гарнизон. У тебя не будет выбора видов. Армейские квартиры большей частью невероятно безобразны. Ты не найдешь там ничего из того, к чему стремилась. Мне кажется странным, что ты вдруг так сильно изменилась... и выбрала в мужья солдата.

Верона нервно сжимала и разжимала пальцы, чувствуя беспокойство, вызванное словами Стефана. Наконец она сказала:

– Я не намеревалась становиться женой военного. Просто так вышло... Так случилось, что я выбрала человека, который оказался военным, и должна смириться с его профессией.

– И ты на самом деле понимаешь, что влечет за собой жизнь в переездах из лагеря в лагерь?

– Это неприятное выражение, и я не понимаю, почему такая жизнь должна быть плохой, – холодно отозвалась Верона. – Форбс говорит, что есть несколько очень милых мест, и я могу иметь там прекрасный дом.

– Вещи и дома других людей, – набросился на нес Стефан, – или казенные квартиры и мебель... «Для офицеров...» – он рассмеялся. – Так это они называют? Самое больное воспоминание о годах моей службы. Мне приходилось слышать ворчание некоторых жен морских офицеров. Ты обосновываешься, а твоего мужа куда-то переводят. И так продолжается... год за годом. Ты никогда не знаешь, что ждет тебя впереди. Долгие разлуки – долгие путешествия. Так тебе все это понравится?

– Форбс думает, что мне понравится путешествовать...

– Форбс думает? – нетерпеливо повторил Стефан. – Конечно. Он хочет тебя. Он намерен нарисовать великолепнейшую картину жизни, которую ты будешь вести. А что думаешь ты? Это известная штука, милая. Ты чертовски неуверенна в себе. Тебе нужен кто-то, кто думал бы за тебя. Ты хочешь, чтобы тебя направляли. Ты позволяешь майору Джеффертону вести тебя под звуки фанфар, под развевающимся флагом Британии прямо на плац, где ты и жены других офицеров выстроитесь для смотра!

Верона коротко, сердито усмехнулась, поднялась и затушила сигарету о газовую плиту.

– Не будь таким смешным, Стефан. Ты сильно преувеличиваешь и прекрасно знаешь это.

– Очень хорошо. Давай будем более точными. Ты потеряешь вкус и все идеалы, которые тебе дороги... повернешься спиной к своему желанию стать хорошим художником, лишишься всякого вдохновения, какое когда-либо имела. Ты станешь просто миссис Форбс Джеффертон. Твоя жизнь и желания станут второстепенными после его. Ты будешь жить мужем и окажешься поглощенной им. В конце концов от Вероны Лэнг ничего не останется. Ты этого хочешь?

Верона откинула назад голову.

– И все-таки я думаю, ты преувеличиваешь. Почему бы мне не продолжать рисовать замужем? Зачем мне бросать искусство и свою личную жизнь?

– Потому что придется. О, ты можешь сделать жалкую мазню и сейчас, и потом. Но ты же не называешь это искусством, правда? У тебя не будет времени для учебы, для постоянных усилий и концентрации, необходимых для хорошего художника. Ты будешь вести хозяйство своего мужа и развлекать его друзей. Утренний кофе с женами офицеров – «одинадцатича-совики», как они это называют. Походы по магазинам... О, Боже! Базары... Я знаю весь военный жаргон. А ты о нем даже не слышала. И это не устроит тебя, Верона. Ты не такой человек. Ты чувствительна, невероятно быстро оцениваешь ум и красоту, голодна до знаний, как и я. Ты завянешь в этой пустоте, в проклятой механической армейской атмосфере. Умрешь от скуки, когда пройдет новизна ощущений. Чтобы получать удовольствие от семейной жизни с военным, женщина не должна иметь ни ума, ни интересов, выходящих за пределы профессии мужа. Ты играешь в бридж? Нет. Тебе нравятся бесконечные вечеринки с коктейлями и просиживание в барах за бокалом с джином? Нет! Будут для тебя жизненно важными продвижение мужа по службе, его хорошие отношения с командиром или твое знакомство с женой полковника? Нет? Ты действительно хочешь забросить рисование, музыку, книги, игры... ради жалкого прозябания в гарнизоне? Хочешь?

Верона застыла. Ее лицо сильно побледнело. Она обнаружила, что вся дрожит. Злоба, негодование и страх перед Стефаном возникли в ней одновременно. Верона страстно хотела, чтобы Форбс оказался сейчас здесь, ответил ему, защитил ее и свою профессию, а также жизнь, которую предлагал ей.

– Ты просто сгущаешь краски, Стефан, – сказала она. – Форбс предупредил меня, что наша жизнь может быть скромной, но не такой, как ты ее описываешь. И я могу сохранить и свои книги, и свою культуру. Это твоя фантазия, что в британской армии нет культурных, образованных людей. Кстати, Форбс вчера говорил мне, что их полковник очень музыкален... слушает все симфонические концерты.

Верона проговорила это, как оправдывающийся ребенок.

Стефан неприятно усмехнулся.

– У него, конечно, может быть время слушать передачи по радио. Но если его не пошлют в кое-какие места, хорошо мне известные. Ты не можешь рассчитывать, что Форбса назначат в цивилизованную часть мира. Вы вполне можете оказаться в центре пустыни.

– Хорошо. Если так, я ведь смогу рисовать пейзажи в пустыне, не так ли? – горячо воскликнула Верона. – Что может мне помешать?

– Ничего, – ответил Стефан, – кроме того факта, который мне хорошо известен: если ты выйдешь за этого парня, тебе не удастся сделать ни одного мазка. Ты будешь слишком занята его жизнью... и детьми, – добавил он с ядовитой усмешкой. – Много маленьких веселых будущих офицеров с игрушечными солдатиками, джипами и моделями самолетов. А их папа станет с детства учить их прекрасному искусству разрушения... убийства. Все, конечно, во имя славы и самообороны.

Верона вдруг закрыла лицо руками, ощущая страшную дрожь. Казалось невозможным, что Стефан обладал силой, чтобы так мощно и точно ударить в цель. Он был жестоким и безжалостным.

Верона почувствовала, как руки Стефана прижали ее к нему. Дождь поцелуев обрушился на ее волосы. Надломленный голос Стефана произнес:

– Я по-прежнему люблю тебя. Очень люблю тебя. О, Верона, дорогая, если бы я только мог предложить тебе выйти за меня замуж... если бы я только имел право сделать это. Я уверен, ты порвала бы с этим парнем и пришла ко мне. Правда? Правда, Верона?

Его страсть и сила слов так испугала ее, что она не смогла ничего сказать. Верона находилась в полубоморочном состоянии, дрожала в объятиях Стефана. Ей вовсе не хотелось этого. Она собиралась замуж за Форбса. За Форбса, чья любовь не была бурной, не могла воодушевить ее, как любовь Стефана. Она отличалась заботливостью, страстью, смягченной нежностью. Форбс утешал и усыплял Верону чувством безопасности, фальшивым или настоящим, – она не знала. Она знала только, что ей необходима безопасность. Верона не решалась задать себе вопрос, что будет, если Стефан сдастся и попытается вернуть ее, заманив обещанием жениться.

Затем он, как всегда, все решил за нее сам. Он несколько грубо оттолкнул Верону.

– Я думаю, тебе лучше уйти, – сказал Стефан. – Эта встреча не принесет ничего хорошего ни одному из нас. И я не имею права пытаться уводить тебя с дороги, которую ты выбрала. Я не могу жениться на тебе... Я не мог бы быть настоящим мужем, даже если бы стал твоим. Я не подхожу ни тебе, ни какой-либо другой женщине. Выходи за своего дорогого майора и будь счастлива. Ради Бога, будь счастлива. Это все, о чем я прошу. Если ты не станешь счастливой, все мои страдания окажутся напрасными.

Верона прижала свои руки к пылающим щекам. Ее глаза, мокрые от слез, умоляли Стефана. Но он не делал попыток вернуть Верону в свои объятия или как-то успокоить. Его лицо казалось высеченным из камня. Стефан смотрел на Верону так же, как в тот раз, когда она впервые вошла в студию – холодно.

– Я не приду на твою свадьбу, даже если меня пригласят. Ты ведь поймешь это, правда?

Верона слабо кивнула, достала из сумочки носовой платок и вытерла глаза. Она чувствовала себя глубоко несчастной, потерянной и одинокой. Даже воспоминание о Форбсе не могло придать ей сил, успокоить в этот момент прощания со Стефаном. И вдруг Верона чуть не отпрянула от ужасной мысли – она поняла, что по-прежнему любит Стефана и всегда будет любить.

Но несмотря на нерешительность, на характерный для нее недостаток твердости и инициативы в кризисных ситуациях, Верона взяла себя в руки и попрощалась с ним. Чем скорее выйти из-под его влияния, покинуть его мастерскую, тем лучше – решила она. Теперь ей

необходимо научиться любить Форбса, дать ему возможность поглотить ее полностью в новой жизни, которую он предлагал.

Очень бледная и подавленная, Верона взяла свое пальто, надела его и повязала на волосы шарф. Стефан стоял неподвижно и наблюдал за ней. Чувства бушевали в нем с такой силой, что это было почти невыносимо. «Ужасно, – подумал он, – когда такое стройное, нежное существо, эта „розочка“, – как Стефан часто называл Верону, – так много значит для меня». Это может нанести смертельную рану. Для него почти смерть знать, что он последний раз видит, как она повязывает свой шарф поверх пышных, вьющихся Каштановых волос и подтягивает пояс знакомого голубого пальто, а затем медленно натягивает шерстяные перчатки. Даже их Стефан видел много-много раз. Они были подарены Вероне на прошлое Рождество, и шерсть на правой сильно вытерлась.

После ее ухода Стефана ждали страшные мучения. Он знал это, но было уже поздно что-либо предпринимать.

Наконец Верона подошла и встала рядом с ним с кротким, умоляющим выражением прекрасных грустных глаз, которые часто сводили его с ума. Когда она так смотрела, в ней было что-то жалостно слабое, а Стефан едва сдерживался, чтобы не броситься перед ней на колени, прижаться лицом к ее стиснутым рукам и молить ее не уходить.

Верона произнесла слабым голосом:

– До свидания. Пожалуйста, прости меня, Стефан.

Он сжал зубы.

– Ты не сделала ничего, за что тебя нужно было бы простить, моя милая девочка. Ты никогда не принадлежала мне и ты права, что выходишь за человека, которого выбрала.

Верона сделала беспомощный жест, и Стефан добавил:

– Прости меня за мое поведение.

– О, Стефан, – сказала она, – я узнала так много счастья с тобой и благодаря тебе. Я перед тобой в большом долгу. Ты научил меня всему.

Эти слова вызвали у него злую усмешку.

– Мое обучение не рассчитано надолго. Ты скоро все забудешь.

– Нет. Оно необходимо мне. Ты ошибаешься насчет армии. Я смогу продолжать рисовать, – настаивала Верона.

Стефан поднял глаза к небу.

«Что, – подумал он, – в женщине заставляет ее выдавливать последнюю унцию эмоций из ситуации? Мужчина любит покончить со всем побыстрее, особенно, когда разговор причиняет боль». Стефан был уверен, что Верона по-своему страдает, но, казалось, она смаковала эти страдания. Все женщины, решил он, мазохистки. Но Стефан не собирался позволять Вероне продолжать сцену прощания, удовлетворять ее самолюбие или ждать, когда ее начнут убеждать, что она поступает абсолютно правильно. Он не верил в то, что это правильно, и что она будет счастлива с Форбсом Джеффертоном.

– Теперь ты все решила, Верона, – произнес Стефан, словно разговаривая с ребенком, оказавшимся у него на дороге.

Она почувствовала упрек, осуждение. На ее лице вспыхнули красные пятна, но Верона с покорным жестом наклонила голову и прошептала:

– До свидания.

Стефан подошел к двери мастерской и открыл ее с не присущей ему скованной любезностью. Проходя мимо, Верона бросила на него еще один умоляющий взгляд. Стефан проигнорировал это. В холле с первого этажа дул ледяной ветер. Кто-то оставил открытой парадную дверь. Верона поежилась.

– Ужасный холод, – проговорила она.

– Хочешь, чтобы я спустился и поймал тебе такси? – спросил Стефан.

Никогда раньше он не предлагал ей подобного. Они не имели лишних денег, чтобы тратить их на такси.

– Нет, спасибо, – ответила Верона. – Я поеду на автобусе.

Она взглянула на Стефана. Одинокая лампочка без плафона на лестничной площадке освещала его худое лицо и темные пятна утомления под глазами. Верона никогда не видела его таким усталым и, однако, таким странно, жалобно молодым. Вероне очень не хотелось расставаться с ним на такой холодной, враждебной ноте.

– О, Стефан, неужели мы больше никогда не увидимся? – выпалила она. – Ты не будешь писать мне? Почему мы должны так заканчивать нашу дружбу? Форбс знает...

Верона замолчала, прикусив губу. Стефан посмотрел на нее с циничной усмешкой.

– Знает что? – спросил он. – Что мы виделись почти каждый день в течение двух лет и строили планы на будущее... хотя это будущее было очень далеким?

Верона не смотрела на него.

– Не совсем, – отозвалась она. – Но он знает, что ты мой большой друг. На самом деле. Когда он спросил... любила ли я кого-нибудь раньше... я сказала, что однажды думала, что люблю тебя.

– «Думала». Шедевр женской хитрости, – воскликнул Стефан, откинул голову назад и засмеялся. – Но я вполне понимаю, что ты не хочешь, чтобы бедный парень заподозрил правду. Его безжалостность задела Верону за живое. Она вдруг разозлилась.

– Ты отвратителен! Я хотела, чтобы ты остался моим другом и стал другом Форбса тоже. Ты признал, что я никогда не принадлежала тебе, но ты вел себя так, будто я твоя собственность... словно я не имела право обручиться ни с кем другим, нарушила свое слово и бросила тебя. Но это не правда. Да... после всего, что ты наговорил сегодня, я никогда не поверю, что у тебя когда-нибудь были ко мне дружеские чувства. Ты просто ревнивый самец с обостренным чувством собственника. Моя любовь, мое снисхождение выше твоих. Я хотела, чтобы мы остались друзьями и продолжали видеться, неважно, что мне это стоило бы. Я всегда считала тебя разумным и великодушным, но теперь нет. Я очень рада нашему разрыву. Теперь он окончателен. Мы больше никогда не увидимся!

Верона развернулась и бросилась вниз по лестнице. Стефан ошеломленно смотрел ей вслед. Наклонившись над перилами, он крикнул:

– Верона, вернись. Все, что ты сказала – справедливо. Я отвратительный... чертовски плохой друг. Верона, вернись и прости меня. Давай не будем расстраиваться так. Я не могу вынести этого. Я просто сошел с ума. Вот почему я сказал все эти ужасные вещи. Верона...

Но она не вернулась. Возможно, Верона не слышала несшихся ей вслед слов, эхом разносившихся по лестнице. Стефан услышал стук ее каблучков по ступенькам, а затем стук парадной двери. Звук потряс весь дом. Стефан вернулся в свою мастерскую, снял очки и слепо стал перебирать рисунки, лежавшие в папке на столе. Его рука дрожала так, что листы бумаги едва не выпадали из пальцев. Он нашел несколько грубых набросков Вероны. Ее голова под разными углами... прозрачные смеющиеся над ним глаза... полный, милый рот, просящий жалости, нежности, понимания. Руки Вероны, изысканные, лежащие одна на другой, словно вылепленные из алебаstra. Волосы над лебединой шеей, тело, обернутое испанской шалью, выражение лица, озорное, обманчивое.

Вдруг Стефан отшвырнул от себя наброски, бросился на диван и замер, закрыв лицо руками. Все его тело дрожало.

Кто-то постучал в дверь. В первый момент Стефан подумал, что вернулась Верона. Надежда возродилась. Он вскочил, бросился к двери и открыл ее. Но это была миссис О'Коннор – ирландка, работавшая сторожем. Она стояла на пороге, грязная и неопрятная, как обычно, в заляпанном твидовом пальто поверх какого-то рваного тряпья. Стефан уставился на нее.

– Какого черта вам надо?

Женщина осуждающе посмотрела на него.

– Не очень приличная манера здороваться, мистер Бест.

– Ладно, что вам нужно? Женщина в свою очередь, сморщив губы, уставилась на Стефана. «Выглядит он неважно, – решила она, – бледный, как смерть, с красными глазами, как будто сильно пил».

– Я пришла сказать, что молочник не будет привозить вам молоко, пока вы не заплатите долг за прошлую неделю, – заявила миссис О'Коннор. – И раз уж я здесь, скажу вам прямо: отец Пэтси и я не хотим, чтобы девочка приходила сюда и сидела, пока вы ее рисуете. Это вредно для ее здоровья.

– Вредно для здоровья... – повторил Стефан с кривой ухмылкой.

Его душа и тело испытывали смятение, муку, он так разочаровался, обнаружив на пороге вместо Вероны эту женщину. Стефан повернулся и сорвал с мольберта портрет Пэтси. Эта самая удачная, по словам Вероны, работа должна была стать центральной на его будущей выставке, и сунул холст в руки женщины.

– Вот вам. Портрет не закончен, но можете взять его. Сожгите, если хотите, и поскольку Пэтси вредно приходить сюда и позировать мне, ее ноги больше не будет в моей мастерской. Вот деньги за молоко-Стефан достал десятишиллинговую банкноту и швырнул ее миссис О'Коннор.

Женщина, глупо моргая, посмотрела на незаконченный портрет, затем начала скулить:

– Конечно, если вы захотите закончить, мистер Бест...

Но Стефан вдруг закричал на нее:

– Убирайтесь. Я не буду заканчивать картину. Убирайтесь, я сказал.

Испуганная и уверенная, что мистер Бест пьян, миссис О'Коннор попятилась. Стефан захлопнул перед ней дверь, вернулся к дивану и снова лег.

Глава 3

Верона почти целый час добиралась домой. Туман окутал Лондон. Автобусы ехали медленно и были переполнены. Добравшись до дома в Хэмпстеде, она продрогла до костей и имела такой вид, что мать сразу отправила ее в постель.

– Ты заоченела. Тебе нужно укутаться и выпить горячего молока с ложкой виски, – воскликнула миссис Лэнг, помогая дочери снять пальто.

Верона не протестовала. Она так измучилась душевно и физически, что у нее не осталось сил сопротивляться кому-либо, тем более матери в подобной ситуации. Миссис Лэнг была спокойной женщиной, пока считала свою дочь здоровой. При малейшем же подозрении на заболевание она становилась тигрицей в стремлении вылечить дочь своими способами.

– Я не хотела, чтобы ты шла на чай к Стефану Бесту, – добавила миссис Лэнг, наполняя грелку. – Я чувствовала, что собирается туман, и ты простудишься.

Верона не ответила. Она чувствовала туман внутри себя, затянувший все ее здравомыслие. Верона выбежала из мастерской в злобе и негодовании, только смутно услышав голос Стефана, но четко уловив его отзвук. Теперь она твердо решила не позволять ему больше расстраивать себя. Ей нужно забыть его, полностью вернуться в мыслях к Форбсу и к счастливой, размеренной жизни, которую он предлагал.

Верона обещала Форбсу выйти за него перед Рождеством. Меньше чем через шесть недель. Время готовить приданое, а Форбсу узнать, что его ждет. Его работа в Алдершоте подходила к концу, и он ждал назначения к Новому году. Возможно, за границу. Верона надеялась, что его пошлют за рубеж. Чем дальше она уедет от своей старой жизни и воспоминаний, тем лучше.

Наконец, казалось, Алиса Лэнг, мать Вероны, дождалась исполнения своего желания. Ее прекрасная дочь собиралась замуж за человека, являвшегося настоящим джентльменом с отличной карьерой. И, слава Богу, она больше не будет видеться с этим ужасным Стефаном.

Хотя миссис Лэнг не одобряла дружбу Вероны на почве искусства со Стефаном Бестом, она была честной и не могла не сказать дочери о телефонном звонке.

– Этот Стефан звонил тебе, но я сказала, что ты, кажется, уже спишь, – сообщила миссис Лэнг недовольным тоном.

Лицо ее дочери слегка покраснело и скрылось под одеялом.

– Что он хотел?

– Сказал, что хочет поговорить с тобой.

– О, – вздохнула Верона, – я не очень хочу говорить с ним.

Миссис Лэнг значительно приободрилась.

– Было глупо идти в мастерскую в такую ужасную погоду.

– Я больше не пойду туда, мама. Миссис Лэнг почувствовала себя еще счастливее.

– Очень разумно, дорогая.

Утром миссис Лэнг принесла своей дочери целую пачку писем, включая одно без штампа и лишь с надписью «Мисс Вероне Лэнг», сделанной неразборчивым почерком Стефана Беста.

Верона распечатала его первым. Она хорошо выспалась, как выяснилось, не простудилась во вчерашнем тумане и съела с аппетитом завтрак. Ей предстоял день покупок. Хорошее настроение держалось до тех пор, пока она не увидела записку Стефана. Ее сердце неприятно дрогнуло. Если бы только он не преследовал ее таким образом... Верона хотела забыть его.

Стефан, очевидно, принес письмо сам и бросил его в почтовый ящик рано утром. Это одно из безумств, на которые он был способен, подумала Верона нахмурившись. Пройти несколько миль на рассвете в страшный холод и туман из Челси в Хэмпстед.

«Я едва не сошел с ума, когда ты ушла, Верона, и проклял себя за свое отвратительное поведение. Ты должна простить меня. Отнеси все это к тому факту, что ты для меня очень много значишь, что я не могу вынести мысли о твоей предстоящей свадьбе. Но теперь я вижу – так должно быть. Мне будет страшно не хватать тебя. Я уже чувствую себя гораздо более одиноким, чем может быть человек. Я на дне. Не оставляй меня сейчас. Не отбирай у меня все. Давай мне знать иногда о себе, просто, как друг. Твой будущий муж не может завидовать мне из-за твоей дружбы. Пиши мне иногда, пожалуйста, расскажи: где ты, как ты, чем занимаешься. И не забывай все, чему мы научились вместе. О, Верона, даже если ты чувствуешь, что должна покинуть меня, не бросай искусство. Продолжай рисовать. Если я когда-нибудь тебе понадобится, ты найдешь меня там же, где всегда. Всем сердцем желаю тебе счастья в жизни, которую ты выбрала. Если я смогу нарисовать что-нибудь стоящее, я пришлю тебе картину в качестве свадебного подарка. Благослови тебя Бог, дорогая Верона.

Стефан.»

Все осуждение и злоба на Стефана исчезли. И Верона поняла, что она тоскует по нему и по прошлому сильнее, чем следовало бы... чем следовало бы будущей жене Форбса. Отвлечься от мыслей о Стефане помогло участие в составлении объявления о свадьбе для «Дейли Телеграф», над которым усердно трудилась миссис Лэнг.

Но перед тем, как отправиться за покупками для приданого, Верона написала записку Стефану и отправила ее по дороге.

«Очень мило с твоей стороны написать мне, и, конечно, мы останемся друзьями. Обещаю продолжать рисовать. Пожалуйста, будь счастлив, Стефан, и спасибо тебе.

Всегда твоя (в ужасной спешке) Верона.»

Успокоит ли это его хоть немного? Она надеялась. Что касалось тяжести в душе самой Вероны, то она была уверена в ее временности. Счастье и определенность вернутся при первой же встрече с Форбсом. Просто это небольшой нервный срыв, вызванный воспоминаниями о прошлом, о Стефане, которого она когда-то любила.

Было смешно, что Верона никак не могла перестать думать о Стефане. Его печальное письмо, казалось, прожигало дыру в кармане ее пальто весь день.

Глава 4

В тот вечер подруга Вероны Маргарет пришла повидаться с ней, и после разговора с ней Верона ощутила еще большую тревогу и даже страх.

Маргарет относилась к типу прямых, разговорчивых людей, сжигаемых любовью к правде, неважно, насколько это было тактично в той или иной ситуации. И она не симпатизировала подруге, не понимала ее внезапной помолвки с Форбсом Джеффертоном.

– Я хочу знать, что случилось, когда ты пошла повидаться с бедным Стефаном вчера? – спросила Маргарет.

– Ничего не случилось, – ответила Верона, немного угрюмо глядя на нее из-под длинных ресниц.

Девушки находились вдвоем в гостиной. Они склонились над затухающим камином. Родители Вероны ушли спать. Миссис Лэнг приготовила чай, оставила его на столике и напонила дочери, чтобы та не задерживалась допоздна, поскольку завтра предстоял тяжелый день покупок.

– Почему ты так поступила со Стефаном? – вдруг спросила Маргарет.

И Верона решила защищаться.

– Не понимаю, почему ты все воспринимаешь именно так? Почему вопрос ставится так, что именно я что-то сделала Стефану? Ты же знаешь, как он поступил со мной. Прошлым летом я пошла бы за ним на край света, но он не захотел жениться на мне, вот и все.

– Да, но он был прав. Ты часто говорила, что он гений. Стефан должен посвятить несколько лет живописи, избежать ответственности семейной жизни, которая будет беспокоить его.

– Очень хорошо! Он не женился бы на мне, я не вышла бы за него, жила бы с ним, и ты первая признала бы это огромной глупостью с моей стороны.

– Почему вы не можете остаться друзьями? Верона беспомощно всплеснула своими тонкими руками.

– Ты же знаешь, что не может быть платонической дружбы между людьми, которые относятся друг к другу так, как мы со Стефаном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.